

немцами при отступлении и отремонтированы были на живую нитку. Движение шло по одной колее, где по правой, где по левой. Большую неприятность доставлял так называемый «плуг», который на прямых участках пути, без стрелок, «пропахивал» канаву посредине, между рельсами, ломая деревянные шпалы, как спички, и немцы часто им пользовались. Двигались мы очень медленно, часто стояли, пропуская встречные воинские эшелоны. Середина апреля в Венгрии — уже жарко. Раненые постоянно просили пить, да и питались в пути всухомятку. Почему-то на дорогу выдали сало, колбасу, хлеб и горох (сырой), а варить то в вагоне не на чем! Сала и колбасы было выдано немного, и его дружно поели. К концу пути, а ехали мы неделю, хорошо проголодались. С водой дело обстояло и того хуже. К каждому вагону был приставлен один солдат из госпиталя из выздоравливающих. Он постоянно бегал по воду с котелками, на любой остановке. Однажды остановились в поле, на полустанке, недалеко заманчиво блестело озеро. Он немедленно соскочил на землю и бегом. Но не заметил бедняга табличку на палке «мины». Шагов двадцать пробежал и вдруг... взрыв! И вверх летят вертящиеся котелки, а парень лежит на земле без ноги или без ног и все боятся подойти к нему, спасти — ведь мины же! И вдруг один из раненых, судя по одежде моряк, обложив и мины, и войну, и немцев, и жизнь десятиэтажным матом, пошел к нему, а мы, затаив дыхание, смотрели, как он дошел, наклонился, взял его к себе на закорки и благополучно вернулся, под одобрительный гул всего состава. В конце был пассажирский вагон с сопровождающим медперсоналом, ему оказали медпомощь, но ног то нет! Наконец приехали на место и, о радость: это тот же городишко Суботица! Опять вокруг «братушки» — югославы! Разместили нас в нескольких трехэтажных зданиях бывшего венгерского монастыря. В подвале баня, каменные столы; каждого на — стол,